

УДК 82.091

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-175-180

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ДРЭББЛ «МОЙ ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ»

© Алсу Вафина

THE NARRATIVE MODE IN THE NOVEL “JERUSALEM THE GOLDEN” BY MARGARET DRABBLE

Alsu Vafina

The article studies the narrative strategies in English women’s novels of the second half of the 20th century. The research is based on the novel “Jerusalem the Golden” by Margaret Drabble (1967). The scientific novelty of this study is explained by the research methodology. We study the main principles and techniques in the transformation of the established canons in English women’s realistic novel. Our analysis of the ideological, thematic, structural, semantic and compositional levels of the text through the prism of the dialogical relationship between the author and the reader helps to identify the organization of the inner world of the text. It allows us to explore Margaret Drabble’s contribution to the development of intellectual prose by women writers in the 1960–1970s. The article pays attention to the importance of changing the points of view, the significance of the home topos in understanding the problems raised in the novel, and interprets the figurative structure of the text. The study revealed that this novel was a turning point in the writer’s work. Despite the fact that Margaret Drabble still relies on the traditions common in Victorian prose at the ideological level, the writer has started to rethink the genre strategies inherent in the English realistic novel inputting into her artistic work the techniques that will become characteristic features of postmodern prose. In the work “My Golden Jerusalem” the author appeals to the reader in the communication chain “author-text-reader” in solving the problem of “being and seeming”, using a woman’s fate as an example.

Keywords: English literature, English women’s novel, narrative, narrator, Margaret Drabble

Статья посвящена осмыслению нарративных стратегий в английском женском романе второй половины XX века. В качестве материала исследования выступает роман Маргарет Дрэбл «Мой золотой Иерусалим» (1967). Научная новизна данного исследования объясняется методологией исследования. Автор статьи изучает основные способы и приемы трансформации английского женского реалистического романа. Анализ идейно-тематического, структурно-семантического, композиционного уровней текста сквозь призму диалогических отношений между автором и читателем, обнаруживаемых во внутреннем мире текста, позволяет выявить вклад Маргарет Дрэбл в развитие интеллектуальной прозы женскими писательницами в 1960–70-х гг. В статье определяется функция смены точек зрения, выделяется значимость топоса дома в осмыслении проблематики романа, осмысливается образная структура текста. Исследование показало, что данный роман является переломным в творчестве писательницы. Несмотря на то, что автор по-прежнему опирается на традиции, присущие викторианской прозе на идейном уровне, Маргарет Дрэбл начинает переосмысливать жанровые стратегии, присущие английскому реалистическому роману и внедряет в свое художественное творчество приемы, которые будут характерны для постмодернистской прозы. В произведении «Мой золотой Иерусалим» автор апеллирует к читателю в коммуникационной цепи автор – текст – читатель в решении проблемы быть и казаться на примере судьбы женщины.

Ключевые слова: английская литература, английский женский роман, нарратив, нарратор, Маргарет Дрэбл

Для цитирования: Вафина А. Особенности нарратива в романе Маргарет Дрэбл «Мой золотой Иерусалим» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 175–180. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-175-180

Маргарет Дрэбл (Margaret Drabble, род. 1939) одна из знаковых писательниц современной английской литературы, автор восемнадцати романов, сборников рассказов, литературный

критик, драматург, младшая сестра писательницы Антонии Сьюзен Байетт (Antonia Susan Wyatt, р. 1936). На данный момент большинство критиков признают ее вклад в развитие феминистской литературы. Принято считать, что писательница проявила свой талант как в осмыслении женской темы, так и в трансформации самой формы романа [1, с. 16].

Одна из отличительных черт романа в XX в. – стремление к реалистичности изображения, последовательность в изложении сюжета, что свидетельствует о связи с викторианской прозой [2]. Вместе с тем наблюдается решительный разрыв с прошлыми «викторианскими традициями морализаторства устоявшихся взглядов на автора и читателя, меняется предмет изображения, образ читателя, трансформируется представление о творческом процессе» [3, с. 5].

Подобный двусторонний процесс в развитии романа можно обнаружить в романе «Мой золотой Иерусалим» (1967) [4], который относится к раннему творчеству писательницы. К моменту публикации данного произведения автор уже известна в читательских кругах, знакома она и литературной критике, поскольку годом ранее, в 1966 г., М. Дрэббл стала обладательницей престижной английской литературной премии Джона Левеллина Риса (John Llevellyn Prize) за роман «Камень на шее» («The Millstone», 1965) [5].

В романе «Мой золотой Иерусалим» автор представляет историю молодой студентки, изучающей французский язык в Лондонском университете. С первых строк читатель обращает внимание на изменение самой формы представления истории. Если в первых трех романах¹ использовалась первоначальная форма повествования, то здесь вводится фигура всезнающего нарратора, М. Дрэббл отказывается от формы представления истории первичным нарратором.

Изменение ракурса изложения актуализирует вопрос о значимости композиции текста для передачи неоднозначной оценки роли социума и культурологических маркеров в процессе определения жизненных ценностей, которыми автор наделяет нарратора и героев романа. Всезнающий нарратор представляет событийный ряд, отвечает за передачу мыслей героини – субъекта излагаемой истории. Отчасти этот процесс приводит к снижению значимости внутренней мотивировки поступков героини, но вместе с тем ве-

дет и к расширению представления о событии для адресата текста.

В этом случае автор обладает большей свободой в выстраивании диалогических отношений с читателем, чем это было возможно в тексте, в котором события излагались первичным нарратором. Благодаря этому текст значительно усложняется с точки его структурной организации. В истории обнаруживаются два пласта коммуникации: актора (Клары Моэм) с внутренними участниками истории и нарратора с внешним адресатом.

Внутренний текст характеризуется фрагментарностью. Объясняется это тем, что нарратор обладает избирательным правом для представления истории жизни студентки. С целью восполнения лакун в тексте нарратора автор усложняет временную организацию текста, события излагаются одновременно в модусах: тогда и сейчас.

Повествование начинается с рассуждения о роли фортуны в жизни девушки, которое перерастает в историю об истинных и ложных ценностях. Создается ощущение, что в дальнейшем последует текст, насыщенный философскими размышлениями о судьбе человека. Однако автор недолго испытывает терпение своего читателя и вводит в повествование рассказ о вечере современной английской поэзии.

Именно этот эпизод позволяет читателю представить чаяния и мечты молодой героини: Клара Моэм преклоняется перед миром искусства, испытывает уважение к людям творческой профессии и в то же время обладает определенной наивностью в своей оценке мира искусства:

«<...> услышанные стихотворения делились для нее на длинные и короткие, на простые и малопонятные, она смогла бы даже выделить среди них описательные, любовные и политические, но не более того» [4].

Как известно, для женского романа характерно повествование или рассказ о внутренних переживаниях героев, особенно героинь, тем более в тех ситуациях, когда герои сталкиваются, встречаются с миром искусства [9, с. 80]. Вместе с этим стоит обратить внимание на то, что в романе М. Дрэббл отношение Клары к вышеизложенному событию лишено эмоциональной оценки, читатель не получает представления о ее чувствах. Восполняется это отсутствие за счет введения точки зрения другого актора: наивная оценка искусства декламации, в которой доминирует внимание к деталям, дополняется комментарием Питера, друга Клары, обладающего определенным опытом в организации таких вечеров и имеющего представление о профессио-

¹ «Мой золотой Иерусалим – это четвертый по счету роман писательницы. Ранее были опубликованы романы «Вольер для птиц» (1963) [6], «Один летний сезон» (1964) [7], «Камень на шее» (1966) [5].

нальных способностях выступающих на вечере поэтов:

«Питер шептал, что Денэм, на его взгляд, великолепен, а Харли, наоборот, ужасен, она улавливала в себе вполне определенный, хотя и слабый ропот: как же так, ведь Эрик Харли читает четко, ясно, выразительно, а Денэм – монотонно и сухо!» [4].

Разница в отношении героини и представления Питера позволяет автору передать сомнение героини в объективности оценки наблюдаемого. Этот контраст выглядит еще более разительным, когда нарратор оценивает умственные способности Клары. В тексте подчеркивается, что, в отличие от своих сверстников, героиня обладает исключительными интеллектуальными способностями, и это качество позволяет ей оценивать внутреннюю мотивировку поступков людей, которые ее окружают.

На этом месте текст обрывается, и читатель перемещается в другую временную плоскость. Начинается новая глава и вводится история о девочке одиннадцати лет, которая живет в провинциальном английском городке Нортэме. Становится очевидным, что это повествование о детстве Клары. Довольно подробно описывается, что родители Моэм экономят на воспитании детей, общение с детьми в семье сведено к минимуму, знания, интеллектуальная среда – все это не включено в поле интересов матери и отца.

Вместе с тем читатель в этот момент пребывает в недоумении: эта история не сочетается с ранее представленным комментарием об исключительном складе ума героини. Для восполнения такого упущения, а также с целью раскрытия личности героини автор уделяет большее количество романного времени периоду ее детского и юношеского становления. Так, повествованию о прошлом героини отводится целых три главы, на протяжении которых автор доводит историю до момента поступления Клары в Лондонский университет. При этом нарратор вновь предельно лаконичен: читателю представляется не подробное описание всех семи лет жизни героини в Нортэме, а только знаковые вехи в становлении мировоззрения девочки. В частности, повествуется о выборе школы для обучения, об оценке героини ее одноклассницами, и пристальное внимание уделяется выбору Klarой молодых людей для встреч.

Прием ретроспекции проливает свет и на название романа. Оно отсылает к утопической мечте, которую лелеет школьница, вновь и вновь повторяя наизусть текст, сочиненный Дж. М. Нилом о золотом и лучезарном граде Иерусалиме. Отсылка к образу золотого Иерусалима актуализирует

вопрос о воображаемом и реальном, об иллюзорности представления о будущем девушки, наделенной необычными способностями. И в то же время заявляется об отсутствии любой надежды на реализацию себя в профессии или в светском обществе для девочки из провинциального городка, где представление о карьере или жизни в светских кругах не может быть реализовано в силу социальных обстоятельств.

Повторяя эти строки о золотом Иерусалиме, Клара представляла не город на небесах с жемчужными воротами, хрустальными стенами и золотыми башнями, а его земное воплощение, где в прекрасных домах жили прекрасные люди и беседовали о прекрасных вещах. Образ такого Иерусалима она находит, как ей кажется, в доме Клелии Дэнхэм. Изображая этот дом, автор акцентирует внимание на сияющих, сверкающих, мерцающих, золотых, позолоченных предметах интерьера. Глаза героини выхватывают эти детали в убранстве дома, благодаря этому в воображении героини выстраивается идеальный образ этого реального дома – град Иерусалим Дэнхэм. Именно этот золотой дом-поместье воспринимается героиней как центр привилегированного современного мира, частью которого мечтает стать Клара.

Нарратор подробно описывает каждую деталь. При этом в очередной раз подчеркивается контраст между домом Клары в Нортэме и особняком Дэнхэмов: стены украшены изысканной плиткой, есть мраморный камин, много старинных и дорогих картин, зеркал в золотых рамах. На заднем дворе расположился сад, который в представлении Клары ассоциируется с земным Эдемом. На это осмысление работают и скульптуры в саду, которые она видит, когда прогуливается по нему.

Но при этом обнаруживается, что представление о красоте разнится для Дэнхэм и Клары. Все, что кажется идеальным для героини, является уродливым, недостойным для Дэнхэм. Также автор развенчивает и сам ореол святости, которым наделяет героиня членов семьи: миссис Денхэм имеет сложности в отношениях с мужем, ее старший сын сошел с ума, Габриэль несчастлив в браке, Клелия не способна к самостоятельному существованию и зависит от поддержки друзей и родственников, инфантильна, а порой и груба в общении. Такой контраст осознается читателем в силу передачи описываемой ситуации объективным взглядом извне: оценка несоответствия истинного и желаемого представляется всезнающим нарратором.

В романе значимую роль играет еще один топос, который для героини является местом при-

тяжения и вновь ассоциируется с земным Иерусалимом. Клара боготворит Париж, в ее воображении предстает великий город истинной, страстной, чувственной любви. Первый визит героини в Париж описывается в главах-воспоминаниях. Здесь она заводит знакомство с первым незнакомцем, который приглашает ее на свидание. Однако вместо романтической атмосферы, в котором она мечтает испытать чувство страсти, Клара оказывается на заднем ряду в кинотеатре с немцем, который плохо изъясняется на языке любви. Оценку происходящему вновь дает нарратор: этот чувственный опыт связан с нарушением норм, такое поведение неприемлемо для воспитанной девушки.

Недидеетический нарратор настаивает, указывает на первое разочарование героини этим городом путем перечисления культурных маркеров французской столицы: в «Комеди Франсез» вместо талантливого представления она увидела *«издевательство над пьесами, в которые она вчитывалась в спокойной тишине»*, на версальских зеркалах заметила лишь грязь и пятна, вид собора Парижской Богоматери ей не понравился, а лекции, которые она прослушала в Сорбонне, *«оказались примитивными до упоминания»* [Там же].

Второй приезд Клары в Париж описывается в романном времени, в котором диегесис (время события) и экзегесис (повествование об этом мире) совпадают. Однако теперь меняется возраст и социальный статус героини: вместо семнадцатилетней девочки перед читателем предстает молодая женщина. Иное теперь и ее положение в обществе: Клара любовница Габриэля Дэнхэма. Это пребывание в идеальном для нее городе становится знаковым для переоценки жизненных ценностей героиней. Клара осознает ложность окружающего ее мира в сложившихся обстоятельствах, она впервые испытывает желание исправить это несоответствие. Единственное возможное решение этой проблемы для нее – добиться статуса законной жены Габриэля, которое в принципе не реализуемо. Габриэль никогда не откажется от своей жены: вместе они воспитывают двух сыновей, да и когнитивное состояние его супруги нестабильно, что не позволяет ему оставить ее.

Такое столкновение между быть и казаться, реальным и воображаемым в мире Клары вновь работает на нарушение достижимости ее мечты о золотом земном Иерусалиме. Есть воображаемый мир, есть мечта, но, сталкиваясь с реальными обстоятельствами, это представление всегда разрушается. Подобное разочарование приводит к актуализации мотива побега в романе. Местом

бегства для героини становится тот самый Нортэм, с которым она когда-то надеялась более не связывать свое будущее. Однако именно крушение мечты о золотом Иерусалиме позволяет автору поведать читателю об истинных мотивах, которые побуждали родную мать Клары не проявлять чувств к собственным детям. Героиня узнает, что ее мать когда-то так же испытала момент встречи с истиной, что нарушило ее иллюзию о возможности счастья.

Живописуя историю героини, Маргарет Дрэббл представляет ее историю как театральное действие, прибегает к приему драматизации повествования. Этой цели служат в тексте многочисленные отсылки, упоминания имен трагиков или воспоминания о театральных постановках. В рассуждения героини о Франции, французском языке вводятся имена П. Корнеля и Ж. Расина, Ж. Б. П. Мольера. Так, в момент первого путешествия в Париж Клара сравнивает себя с героическими персонажами Корнеля:

«Близость победы – что она значила для Береники в конце пятого акта, в момент расставания? А угроза потери – для Химены?» [Там же].

Этот и другие, введенные в текст диалоги с классикой, аллюзии на тексты французских трагиков показывают, с одной стороны, что автор стремится создать интеллектуальную прозу, многоплановый текст с большим количеством отсылок к культурным реалиям. Но вместе с тем это приводит и к обратному результату. Сопоставление Клары с литературными предшественницами не приводит к героизации или возвышению ее мученической роли. Героиня М. Дрэббл нарушает границы, преодолевает условности, но не испытывает чувства вины. Тем самым это в тексте служит, скорее, для создания трагизма самого образа в неоднозначной оценке финала произведения.

Последнее событие в истории Клары, изложенное в финале романа (героиня отвечает на звонок Габриэля, который обещает приехать за ней в Нортэм), показывает, что автор здесь отходит от реалистической традиции, принятой в викторианском романе, когда перед читателем раскрывалась перспектива дальнейшего становления героя или давалась оценка излагаемой проблемы. Здесь же Маргарет Дрэббл историю героини не доводит до логического завершения. Конец истории в изложении нарратора – это призыв к сотворчеству читателя. Неизвестно, обретет ли свой путь, найдет ли свой золотой град Клара. Конечные строки романа наполнены иронией автора в осмыслении дальнейших перспек-

тив для свободы самовыражения женщиной в современном обществе. Такой финал вновь актуализирует вопрос об истинном и ложном в мире женщины, ответ на который автор так и не дает своему читателю.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что данный роман является переломным в романном творчестве Маргарет Дрэббл. В этом произведении автор впервые использует новый для нее повествовательный прием: история в романе излагается от лица всезнающего нарратора (данную форму повествования она впоследствии будет применять при написании романов). Такой прием позволяет усложнить структуру текста, а вместе с тем и расширить формы взаимодействия автора с читателем. Двойной модус коммуникации, используемый в тексте, позволяет Маргарет Дрэббл отойти от жанровых канонов, присущих реалистическому роману первой половины XX в. [10, с. 63]. Вместе с тем автор активно прибегает к тенденциям, обнаруживаемым в английском женском романе 60–70-х гг. XX в. Такими приемами становятся установка на театральность (см. об этом: [10], [11]), когда женские писатели заведомо обращаются к реализации в рамках романного творчества ситуации «жизнь как театр» [13, с. 264]. Еще одна тенденция, которой следует писательница, это стремление к созданию интеллектуальной прозы [14, с. 31], [15, с. 16]. С этой целью автор расширяет романное пространство и время и вводит широкий культурологический контекст в осмысление проблематики своего текста. Именно этой цели служит в тексте осмысление проблемы быть и казаться сквозь призму утопической мечты о золотом граде.

Список источников

1. Филимонова Т. В. Проблемы интеллектуальной и нравственной свободы в творчестве Маргарет Дрэббл 1960-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2009. 20 с.
2. Bradbury M. The Modern British Novel. London: Penguin books, 1994. 542 p. URL: <https://ru.scribd.com/doc/23663576/The-Modern-British-Novel> (дата обращения: 23.08.2021).
3. Hansen A. J. Realism and Perspectivism // A Forum on Fiction. 1974. Vol. 8. № 1. P. 93–96.
4. Дрэббл М. Камень на шее. Мой золотой Иерусалим. 2000. URL: <https://litmir.club/br/?b=161917> (дата обращения 25.05.2024).
5. Drabble M. The Millstone. London: Weidenfeld & Nicolson, 1965. 199 p.
6. Drabble M. A Summer Bird-Cage. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. 208 p.
7. Дрэббл М. Один летний сезон. М.: Прогресс, 1972. 177 с.

8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.
9. Вафина А. Х., Коновалова Ж. Г. Проблема женской субъективности в художественных биографиях Мюриэл Спарк // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. № 3 (65). С. 69–75. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-69-75.
10. Ladan L. S. Narrative and Postfeminist Fiction: Margaret Drabble's *The Radiant Way* // English Studies. 2005. Vol. 86. № 1. P. 51–70.
11. Friedman Sh. Feminism as Theme in Twentieth-Century American Women's Drama // American Studies. 1984. Vol. 25. № 1. P. 69–89.
12. White S. The Dramatic Modern Novel: Mimesis and The Poetics of Tragedy in Mrs. Dalloway // Woolf Studies Annual. 2018. Vol. 24. P. 101–134.
13. Suzuki M. Rewriting the "Odyssey" in the Twenty-First Century: Mary Zimmerman's "Odyssey" and Margaret Atwood's 'Penelopiad' // College Literature. Vol. 34. № 2. 2007. P. 263–278.
14. Yeazell R. Fictional Heroines and Feminist Critics // A Forum on Fiction. 1974. Vol. 8. № 1. P. 29–38.
15. Благовещенская А. А. Своеобразие стиля художественной прозы Маргарет Дрэббл 1960–70-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 18 с.

References

1. Filimonova, T. V. (2009). *Problemy intellektual'noi i npravstvennoi svobody v tvorchestve Margaret Drebbel 1960-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Problems of Intellectual and Moral Freedom in the Works of the 1960s by Margaret Drabble: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 20 p. (In Russian)
2. Bradbury, M. (1994). *The Modern British Novel*. 542 p. London, Penguin books. URL: <https://ru.scribd.com/doc/23663576/The-Modern-British-Novel> (accessed: 23.08.2021). (In English)
3. Hansen, A. J. (1974). *Realism and Perspectivism*. A Forum on Fiction. Vol. 8. No. 1, pp. 93–96. (In English)
4. Drebbel, M. (2000). *Kamen' na shee. Moi zolotoi Yerusalim* [The Millstone. Jerusalem the Golden]. URL: <https://litmir.club/br/?b=161917> (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
5. Drabble, M. (1965). *The Millstone*. 199 p. London, Weidenfeld & Nicolson. (In English)
6. Drabble, M. (1977). *A Summer Bird-Cage*. 208 p. Harmondsworth, Penguin Books. (In English)
7. Drebbel, M. (1972). *Odin letnii sezon*. [The Garrick Year]. 177 p. Moscow, Progress. (In Russian)
8. Shmid, V. (2008). *Narratologiya*. [Narratology]. 302 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
9. Vafina, A. H., Konovalova, Zh. G. (2021). *Problema zhenskoi subyektivnosti v khudozhestvennykh biografiyakh Myuriel Spark*. [The Problem of Female Subjectivity in Novelized Biographies by Muriel Spark]. Filologija i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (65), pp. 69–75. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-69-75. (In Russian)

10. Ladan, L. S. (2005). *Narrative and Postfeminist Fiction: Margaret Drabble's The Radiant Way*. English Studies. Vol. 86. No. 1, pp. 51–70. (In English)
11. Friedman, Sh. (1984). *Feminism as Theme in Twentieth-Century American Women's Drama*. American Studies. Vol. 25. No. 1, pp. 69–89. (In English).
12. White, S. (2018). *The Dramatic Modern Novel: Mimesis and The Poetics of Tragedy in Mrs. Dalloway*. Woolf Studies Annual. Vol. 24, pp. 101–134. (In English)
13. Suzuki, M. (2007). *Rewriting the 'Odyssey' in the Twenty-First Century: Mary Zimmerman's 'Odyssey' and Margaret Atwood's 'Penelopiad'*. College Literature. Vol. 34. No. 2, pp. 263–278. (In English)
14. Yeazel, R. (1974). *Fictional Heroines and Feminist Critics*. A Forum on Fiction. Vol. 8. No. 1, pp. 29–38. (In English)
15. Blagoveshchenskaya, A. A. (2004). *Svoeobrazie stilya khudozhestvennoi prozy Margaret Drebbel 1960–70-h godov, avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Originality of Margaret Drabble's Fictional Prose Style of the 1960s and 70s. Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 18 p. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Вафина Алсу Хадиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alsu_vafina@mail.ru

Vafina Alsu Hadievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alsu_vafina@mail.ru